

**Салтыков-Щедрин Михаил
Евграфович**

Пошехонские рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Евграфович С.**
Пошехонские рассказы / Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 218 с.

ISBN 978-5-519-84512-0

ISBN 978-5-519-84512-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ладное, ну, да въ корнетскомъ чинѣ и осудить за сіе строго нельзя.

Вскорѣ, однако-жъ, наступила отмѣна крѣпостного права—и куда всѣ эти перины и дульцинеи дѣвались!

Юные нынѣшніе корнеты! по совѣсти васъ спрошу: не лучше ли симъ естественнымъ способомъ время проводить, нежели о сухихъ туманахъ спорить, отъ какихъ споровъ и до превратныхъ толкованій, пожалуй, недалеко.

Но въ глубокую осень и въ весеннюю растопель случались дни, когда, поневолѣ, приходилось коротать время въ своемъ кружкѣ, на глазахъ старшихъ. О старшихъ, вообще, должно сказать, что они ѣздили къ сосѣднимъ помѣщикамъ только въ дни семейныхъ торжествъ, а прочее время собирались между собой, рѣзались въ штось и пили пуншъ. Но были и такіе, которые въ карты не играли, а только пуншъ пили. Въ числѣ послѣднихъ былъ и незабвенный маіоръ Горбылёвъ. Пилъ онъ пуншъ безъ счета и надежды на опьянѣніе, и во время питья любилъ поразсказать разную бывальщину. Маіоромъ онъ служилъ съ испоконъ вѣку, изъѣздивъ на вѣрномъ конѣ всю Россію, многое видѣлъ, но еще больше того не видалъ. Но главный интересъ его разсказовъ заключается въ томъ, что во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, прямо или косвенно, принимала участіе нечистая сила. То въ видѣ домового, то въ видѣ лѣшаго, то прямо въ видѣ чорта. А вѣдьмъ, русалокъ и лѣшачихъ перевидаль онъ безъ числа. И отъ всей этой нѣчисти, благодареніе Богу, благополучно избавлялся, кромѣ, впрочемъ, домового, который до самой смерти, послѣ пунша, его по ночамъ душилъ.

Мы, молодежь, съ увлеченіемъ внимали его безконечнымъ разсказамъ, почерпая въ нихъ полезныя для себя указанія на случай встрѣчи съ лѣшимъ или съ

лѣшачійхой. Вотъ, бывало, на дворѣ дождь, по дорогамъ невылазная грязь стоитъ, а мы заберемся къ доброму старому маіору, обсядемъ кругомъ и слушаемъ.

Нѣкоторые изъ его разсказовъ я считъ своевременнымъ публиковать. Давно бы мнѣ пора на сію стезю вступить, да все думалось: авось Богъ помилуетъ! Даже и теперь, когда сдѣлалось яснымъ, что по грѣхамъ моимъ надежды на помилованіе нѣтъ—даже и теперь до послѣдней минуты колебался, что лучше публиковать: разсказы маіора Горбылева, или „Поваренную книгу“?

Однако-жъ, не рѣшился на послѣднее, потому что поваръ я ужъ совсѣмъ плохой. А послѣ разсказовъ Горбылева, быть можетъ, опубликую разсказы ротмистра Возницына, а потомъ и прочихъ господъ офицеровъ. Смотришь, время-то и пройдетъ *).

РАЗСКАЗЫ МАІОРА ГОРБЫЛЕВА.

„Разскажу вамъ, господа, какъ я однажды съ чортомъ въ карты игралъ.

„Было время, когда я страстно карты любилъ. Съ утра до вечера штосы срѣзывалъ или банкъ металъ, и, признаюсь, довольно-таки удачно. И такъ къ этой операціи привыкъ, что даже походомъ идучи не разъ на сѣдлѣ банкъ металъ.

„Вотъ только стояли мы въ Могилевской губерніи, въ мѣстечкѣ одномъ, и говоритъ мнѣ жиждокъ: сегодня вечеромъ въ клубѣ польскій графъ будетъ. Прекрасно. Прихожу, вижу: дѣйствительно, новое лицо въ клубѣ появилось, а около него наша молодежь такъ и вьется.

*) Къ сожалѣнію, я не выполнилъ этого намѣренія, и увлекся въ другую сторону. За то, послѣдствія этого увлеченія были весьма для меня непріятныя.

Одѣтъ франтомъ; на рубашкѣ брильянтоваыя запонки чуть не съ лѣсной орѣхъ; изъ себя—молодецъ.—Угодно? говорить.—Съ удовольствіемъ.

„И началъ онъ меня жарить. И самъ банкъ заложить, и мнѣ заложить предложить—бьетъ одну карту за другой да и шабашъ. А я, по несчастію, въ то время полковымъ казначеемъ былъ. Все, что принесъ съ собой, въ полчаса спустилъ, домой за подкрѣпленіемъ сходилъ—и опять только на полчаса хватило. Словомъ сказать, въ такой азартъ вошелъ, что и за казенный ящикъ принялся. А онъ сидитъ, только карты вскидываетъ, да улыбается...

„Думалъ я сначала, не на шулера ли попалъ, однако, сколько ни слѣдилъ—чисто мечеть! Аккуратно, не спѣша, карта за картой, точно говоритъ: глядите! Одно только подозрительно: перчатокъ съ рукъ не снимаетъ, такъ въ нихъ и мечеть. А я между тѣмъ, ужъ двадцать тысячъ проигралъ—не минучее дѣло, подъ судъ идти. Съ досады, сталъ придирааться. „Извольте, говорю, перчатки снять“!—Это почему? „Да такъ, говорю, безъ перчатокъ вамъ ловчѣе будетъ“!—Слово за слово, онъ меня, я его... Схватилъ, знаете, во время перепалки, я его за руку, а у него, вмѣсто руки-то—лапа гусиная! Я такъ и обомлѣлъ, а онъ какъ загогочетъ! Да такъ это тоскливо да тяжело, что сколько тутъ ни было народу, всѣ разомъ вонъ изъ клуба такъ и прыснули!

„А я, какъ впѣпился обѣими руками въ лапу его, такъ и застылъ. И вижу, что у него и изо рта, и изъ носу, и изъ ушей—змѣи поползли. А сзади—рыла мохнатая. Хочу крикнуть—языкъ не поворачивается; хочу крестное знаменіе сотворить—рукъ отцѣпить отъ него не могу. Наконецъ, чувствую, что онъ меня самого за собой куда-то тащитъ...

„И представьте себѣ, въ эту самую минуту, какъ

мнѣ ужъ пропасть приходилось, вдругъ, на мое счастье, въ кухню пѣтуха принесли! Его на котлеты рѣзать хотѣли, а онъ возьми да и запой! Вижу: поблѣднѣлъ мой графъ, какъ мертвецъ, и зашатался. Шатался-шатался, и въ одну секунду, въ моихъ глазахъ, словно въ воздухѣ растаялъ... Тутъ только я понялъ, съ какимъ „графомъ“ я въ карты игралъ.

„А денежки мои, между тѣмъ, на столѣ остались. Разумѣется, я сейчасъ же ихъ обобралъ и казенный ящикъ пополнилъ. А на другой день, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ металъ банкъ, подковку серебряную двухъ-копытную нашли. Это, значитъ, „онъ“, въ попыткахъ, съ ноги потерялъ.

„Подковка эта и теперь у меня хранится, но съ тѣхъ поръ я только пуншъ пью, а картъ въ руки не беру“.

„А вскорѣ послѣ того, и еще происшествіе со мной было. Стоялъ я въ это время ужъ въ Кіевской губерніи; подъ Чернобыломъ.

„Ну, сами молоды, знаете, каково барану безъ ярочки жить. А Хиври, да Гапки, да Окси тѣмъ мимо и шмыгають, и все чернобровыя. Я въ то время пѣсню зналъ: „и шумѣ, и гудѣ, дробенъ дождикъ идѣ“—сидишь, бывало, на крылечкѣ у хаты, и поѣшь, а онѣ, шельмы, зубы скалятъ. Одну ущипнешь, другую... Вечеромъ, ляжешь спать—смерть! Вотъ я одну и намѣтилъ.

„— Какъ тебя зовутъ?

„— Наталка.

„— Знаю. Наталка-Полтавка... у Нижнемъ на ярмарци выдавъ... Ну, такъ какъ же, Наталочка, будешь что ли со мной по-малороссійски разговаривать?

„— Не знаю, говорить, чи буду, чи нѣтъ. Вамъ, пане, може поненочку треба? ..

„— Ну, ихъ, говорю. Щѡ треба, щѡ не треба... у всѣхъ у васъ секретъ-то одинъ. А ты ужѡ приходи, такъ я тебѣ гривенничекъ пожертвую.

„Дѣйствительно, какъ только смерелось — пришла. Разумѣется, кровь во мнѣ такъ и кипить. Запаска—къ чорту, плахта—къ дьяволу... и-ахъ, го-о-лубушка ты моя! И вдругъ... чувствую, что сзади у нея что-то шевелится...

„— Щѡ се такѣ?

„— А это, говорить, фистъ.

„— Кáкъ фистъ?

„— Вѣдьма же я, милосенькій, вѣдьма...

„Вотъ такъ праздник! Человѣкъ распорядился, со всѣмъ ужъ себя, такъ сказать, предрасположилъ — и вдругъ: вѣдьма, фистъ!..

„Являюсь на другой день къ полковнику. Докладываю. И что-жъ бы вы думали, онъ мнѣ отвѣтилъ?

„— Ахъ, простофиля-корнетъ! не знаетъ, что въ Кіевской губерніи каждой дивчинѣ, въ числѣ прочихъ даровъ природы, присвоается хвостъ! Стыдитесь, сударь!

„Разумѣется, съ тѣхъ поръ я ужъ не стѣснялся. Только, бывало, скажешь: убери, голубушка, фистъ!—и ничего. Все равно что безъ хвоста, что съ хвостомъ.

„ Но Наталки я больше не видалъ, а только слышалъ, что она, пришедши отъ меня, цѣлую ночь тосковала, а подъ утро сѣла верхомъ на помело и вылетѣла въ трубу „.

Разказавши это происшествіе, маіоръ грустно поникъ головой, и нѣкоторое время тихо-тихо напѣвалъ себѣ подъ носъ: И шумѣ, и гудѣ... И вдругъ, крупная слеза,

какъ тяжелая капля дождя, громко шлепнулась въ его пупшъ.

„Да, проговорилъ онъ торжественно-взволнованнымъ голосомъ, что тамъ ни утверждай философы, а безъ женскаго пола не проживешь. Царь Давидъ на что былъ —и тотъ согрѣшилъ. А царь Соломонъ даже и очень. Впрочемъ, вы, молодые люди, лучше другихъ это знаете.

„И не только мы, родъ человѣческій, но даже животныя—и тѣ къ женскому полу непреодолимое стремленіе чувствуютъ.

„Зналъ я одного общественнаго быка, такъ даже словъ не могу подобрать, какой это удивительный быкъ былъ! Точно человѣкъ!

„Надо вамъ сказать, что въ нашихъ деревняхъ быкъ—въ родѣ какъ должность общественная. Староста, сотскій, десятскій и быкъ. Въ иной деревнѣ ни сотскаго, ни десятскаго нѣтъ, а быкъ непременно всегда и вездѣ. И содержится онъ на общественный счетъ, потому что онъ геній-хравитель крестьянскаго стада, онъ—ручательство, что коровій родъ не изгибнетъ во вѣкъ. Ибо что значить корова безъ быка?

„Но, подобно людямъ, и быки бываютъ разныхъ достоинствъ. Бываютъ быки небольшіе, но солошіе, и наоборотъ. Быкъ деревни Разуваевой принадлежалъ къ числу первыхъ. Онъ былъ такъ уменъ, что могъ бы получить аттестатъ зрѣлости, еслибы не требовалось древнихъ языковъ. Пять лѣтъ сряду высоко держалъ онъ свое знамя, и не только не думалъ положить оружіе, но даже ни мало не отяжелѣлъ. Мужички нарадоваться не могли и жили за нимъ, какъ за каменной стѣной. Какъ вдругъ, у сосѣдняго помѣщика явилась корова Красавка, которая всѣ мужицкія упованія разсѣяла въ прахъ.

„Разсѣять мужицкія упованія очень легко, господа. Иногда, мужичекъ совсѣмъ ужъ подноситъ кусокъ къ губамъ—и вдругъ, вмѣсто куска... признательность начальства... Да и признательность-то не ему, а сборщику податей. Или: шли бабы полосу жать. Уповають. И вдругъ, откуда ни возьмись градъ.. и опять однимъ упованіемъ въ жизни мужика стало меньше!

„А онъ и впредь уповать продолжаетъ.

„Такъ было и въ этомъ случаѣ. Быкъ увидѣлъ Красавку нечаянно, когда она паслась за оврагомъ на пригоркѣ, слишкомъ за версту отъ того мѣста, гдѣ паслось крестьянское стадо. Въ одно мгновеніе участь его была рѣшена. Задравши хвостъ, уставившись рогами впередъ и взрывая копытами землю, онъ помчался черезъ поля и овраги, и не успѣлъ помѣщичій пастухъ ахнуть, какъ уже въ вѣренномъ ему стадѣ произошелъ общій переполохъ. Очевидно, что смѣлый поступокъ отважнаго чужанина произвелъ среди помѣщичьихъ коровъ глубокую сенсацию.

„На первый разъ, однако-жъ, дѣло обошлось мирно. Помѣщикъ былъ человекъ добродушный и рыцарскій поступокъ быка даже понравился ему. Но съ этихъ поръ поведение быка относительно своихъ довѣрителей совершенно измѣнилось. Напрасно послѣдніе изощрялись гонять мірское стадо какъ можно дальше отъ помѣщичьяго, напрасно возмущенныя домохозяйки сѣкли быка крапивой, напрасно сами коровы бодали его рогами — ни одна не добилаь отъ него ни малѣйшей ласки. По вечерамъ, когда стадо пригонялось въ деревню, быкъ убѣгалъ. И всегда въ одну сторону: въ помѣщичью усадьбу, гдѣ находилась его возлюбленная. Упрется рогами въ запертыя ворота скотнаго двора, рветъ копытами землю, и реветъ! Прибѣгутъ за нимъ крестьяне-довѣрители, начнутъ жарить въ три кнута, а онъ стоитъ

и реветъ. И такимъ раздирающимъ голосомъ, что самъ добрый помѣщикъ выбѣжить и крикнетъ: шибче жарьте! вотъ такъ!

„Наконецъ, пришлось убѣдиться, что единственною развязкой въ такомъ дѣлѣ можетъ быть только ножъ...

„И чтò же потомъ оказалось?—что и солощій крестьянскій быкъ и корова Красавка—не что иное, какъ оборотни! А именно: поручиѣ Потаповъ и жена сосѣдняго помѣщика Красавина. Оба они были давнымъ давно другъ въ друга влюблены, но, по обстоятельствамъ, соединиться не могли. Вотъ и придумали...

„Вообще, въ старину нечистой силы довольно было. Лѣса-то берегли, да и болотъ было множество — такъ вотъ оттуда. И еслибъ не это, то многого въ жизни совсѣмъ было бы объяснить нельзя.

„Какъ, напимѣрь, объясните вы слѣдующее происшествіе? Ёду я однажды въ городъ въ тарантасѣ, на почтовыхъ. Разумѣется, съ ямщикомъ калякаю.

„— Хорошо васъ хозяинъ кормить?

„— Щи, каша, а по праздникамъ пироги.

„— А съ женой согласно живешь?

„— Мы другъ другу... вотъ и сейчасъ, приѣду домой, на печь полѣзу...

„Словомъ сказать, какъ обыкновенно. Знали ямщики мой нравъ, и никогда не жаловались. Только въѣзжаемъ мы, знаете, въ лѣсъ, а я возьми, да и прикурни маленько. И вдругъ, чувствую, что мы ни съ мѣста. Открываю глаза—и чтò же вижу! Ни ямщика, ни лошадей, ни тарантаса—ничего! А я лежу подъ деревомъ на голой землѣ и плачу. Да-съ, плачу-съ.

„Натурально, удивился и пошелъ куда глаза глядятъ. Три дня сряду я по этому проклятому лѣсу плуталъ,

только брусникой питался. Заснуть—боюсь, присяду отдохнуть на минуту—нетерпѣнье такъ и поднимаетъ: иду да иду! Наконецъ, отоцалъ. Сѣлъ на камень и думаю:—Однакожъ, вѣдь я маіоръ! А тутъ изъ лѣсу кто-то какъ рявкнетъ: маіоръ! маіоръ! маіоръ! Къ счастью, я вспомнилъ, что у меня на ремнѣ фляжка съ водкой. Думаю: булькну. Булькнулъ разъ, булькнулъ другой—слышу, и въ лѣсу кто-то булькаетъ. Однако, булькалъ, да булькалъ, да подъ конецъ и заснулъ. Долго ли, коротко ли я спалъ, только просыпаюсь: преспокойно лежу себѣ дома на походной постели!

„Такъ вотъ какіе перевероты въ самое короткое время случаются. Какимъ образомъ это объяснить?“

— А можетъ быть, мало-мало выпито было?—съехидничалъ штабсъ-ротмистръ Возницынъ, который внутренно хотя и вѣрилъ въ чертей, но, по временамъ, любилъ хвастнуть скептицизмомъ.

— Выпито—это само по себѣ. Было выпито — это вѣрно. Но какимъ же образомъ объяснить, что я и въ тарантасѣ ѣхалъ, и съ ямщикомъ говорилъ?.. Вѣдь это все... было? И вдругъ... лежу на землѣ?!

— Да вотъ именно въ подпитіи. Ни въ тарантасѣ вы не ѣхали, ни на землѣ не сидѣли...

— Позвольте! но вѣдь я послѣ этого три дня по лѣсу ходилъ! брусникой питался?!

— И по лѣсу не ходили, и бруснику не ѣли...

— Но какимъ образомъ объяснить, что я фляжку съ водкой выпилъ, и потомъ дома въ собственной постели очутился? кто же nibудь меня туда перенесъ?

— Да просто вы наканунѣ выпили. Выпивши, легли въ постель, а на другое утро въ той же постелѣ проснулись.

Маіоръ задумался.

— Можетъ быть,—наконецъ, согласился онъ:—возможно!!

Но было очевидно, что это согласіе стоило ему сильной нравственной борьбы.

„Хорошо, продолжалъ онъ:—положимъ, что тогда дѣйствительно... Было выпито — это такъ. Но какимъ же образомъ вы объясните слѣдующій случай.

„Быль у насъ полковой командиръ, полковникъ Золотилловъ. Лихой. Службу зналъ такъ, что словно на нотахъ, бывало, разыгрываетъ. Въ приказахъ по корпусу—всегда первый, въ примѣръ другимъ. Полежъ—въ исправности, касса—на лицо; ума—палата. Всякій бой—для всѣхъ господъ офицеровъ открытый столъ. Словомъ сказать, жили мы за нимъ, какъ за каменной стѣной.

„Только перевели къ намъ въ полкъ изъ звенигородскихъ уланъ ротмистра одного. Культяпка прозывался. Явился Культяпка къ полку и первымъ дѣломъ, разумѣется, къ полковому командиру. Я въ это время полковымъ казначеемъ былъ, съ утреннимъ рапортомъ у командира сидѣлъ и, слѣдовательно, самъ очевидцемъ былъ. Началъ это Культяпка рапортовать: имѣю честь... и съ первыхъ же словъ перевралъ. Смотрю: вглядывается мой Культяпка въ командира, словно припомнить хочетъ. И вдругъ:

„— А вѣдь я, говорить, тебя узналъ!..

„Туда-сюда. Вспыхнулъ—было нашъ полковникъ: подъ арестъ и проч. А Культяпка, какъ ни въ чемъ не бывало, такъ и рѣжетъ:

„— Ты не тормозишь,—говоритъ:—а скажи, помнишь